
НЕЧИСТЬ
В ГОРОДЕ

Коллектив авторов
Ирина Вадимовна Лазаренко
Нечисть в городе

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74822376
ISBN 978-5-908116-63-3

Аннотация

Говорят, старые легенды умирают, когда в них перестают верить. Это не так – они просто меняют кожу, подстраиваются под новую реальность, под пульс неспящих магистралей и неоновых вывесок. Перед вами сборник от литературной платформы Molwe, который родился из провокационного вопроса: как живут фольклорные персонажи в современном мире? В ответ мы получили множество историй от авторов с новыми, непримелькавшимися именами, свежими и любопытными идеями. В этом сборнике нет застывших классических образов. Только живые сюжеты о фольклорных персонажах, которые выжили в мире мегаполисов. Они пугаются – и пугают в ответ, теряются – и находят новую силу в бетонных джунглях. А иногда даже притворяются кем-то из нас. Этот живой, дерзкий, искренний сборник – только начало. Это первый шаг Molwe на пути, где обретают силу новые голоса.

Содержание

Предисловие от редакции 4
Как Союз литераторов ищет искры там, где другие видят лишь тени 7
Время пробуждения 10
Алиса Горислав 10
Дана Скифф 32
Алина Ситдикова 54
Ника Веймар 64
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Нечисть в городе
Сборник рассказов

Предисловие от редакции

Прежде чем вы перелистнёте страницу и приступите к чтению рассказов, представьте, что среди них был бы ваш. В нём горит ваша идея, пришедшая среди ночи или в ду́ше. Он не явился в готовом виде, над ним пришлось провести немало времени и выпить десятки чашек кофе.

И вот рассказ тут, на страницах этого сборника, среди историй других таких же молодых авторов. И нет ничего более вдохновляющего, чем увидеть своё творчество на бумаге.

Иногда идеи представляются нам дурацкими – потому так и остаются идеями. А ведь внутри нас могут дремать Сергей Лукьяненко или Кассандра Клэр, Ник Перумов или Дэн Абнетт.

Molwe даёт возможность их растолкать и выпустить на свободу. На виртуальных страницах нашей платформы выходят в свет самые удивительные истории. Сегодня они идут ещё дальше – в книжные магазины и на ваши полки.

В этом сборнике вы найдёте двенадцать историй о городском фольклоре. Все персонажи вам знакомы: домовые, русалки, бабы-яги и кощеи. Как показали сами авторы, даже

известные сказочные персонажи прекрасно вписываются в наши современные реалии. Им нужно лишь немного адаптироваться.

Здесь живёт Яга, плетущая волокно и спасающая крупицы памяти об умерших, но всё ещё любимых людях.

Рядом – деревенский Иван-дурак, пытающийся заработать деньги в пункте выдачи интернет-заказов.

Где-то в палате лежит Кощей, мечтающий найти давно потерянную в мегаполисе иглу.

А в лесу голодает Леший, оставленный без подношений и почти утративший свои владения.

И потерянные лесные жители, сидящие на городской кухне, лепят пельмени и размышляют о своём будущем.

Это истории и про сказку, и про город: с их слухами, совпадениями, маленькими тайнами и совсем неслучайными встречами с волшебством.

Фанфикшн – уже давно не ниша, а часть большой литературы. Это пространство экспериментов, где известные персонажи находят себя в необычных для них обстоятельствах.

Для многих писателей фанфики становятся первым шагом в творчестве, возможностью учиться, ошибаться, пробовать новое и получать мгновенный отклик от читателей.

Значение фанфиков выходит далеко за пределы «тренировочной площадки». Это форма диалога с культурой, способ продолжить любимые истории, задать неудобные вопросы оригиналу или взглянуть на него под неожиданным уг-

лом. Здесь канон – не граница, а отправная точка.

Наш сборник станет таковой и для авторов, у многих из которых это первая публикация. Надеемся, сборник вдохновит и тех, кто попал на страницы, и тех, кто только начинает свой писательский путь.

Для нас сборник – не просто результат конкурса, а начало нового этапа жизни.

Началось всё и для авторов, которые только входят в литературу.

Началось для их историй, которые написаны и ещё будут написаны.

Потому что этот сборник – только первая книга.

А первая книга, как известно, редко бывает последней.

Как Союз литераторов ищет искры там, где другие видят лишь тени

Когда речь заходит о современной литературе, критики часто пытаются выстроить непреодолимую стену между «большим искусством» и сетевым творчеством. Однако история литературы – это не монолит незыблемых традиций, а путь преемственности и дерзкой интерпретации.

Именно поэтому мы обращаем самое пристальное внимание на авторов, работающих с фанфиками, фольклором в декорациях нашего времени и другими не самыми очевидными, но востребованными и массовыми форматами. Именно поэтому мы с удовольствием поддержали конкурс от фанфик-платформы Molwe, результатом которого стал этот сборник.

Писатель не рождается в вакууме, создавая миры исключительно «из головы». Путь многих классиков начинался с диалога с предшественниками, с подражания и переосмысления форм, смелости играть с ними.

Вспомним, как вольно обходились с античными мифами драматурги Просвещения, как Толстой наследовал Карло Коллоди, а Волков – Фрэнку Бауму. Как Ник Перумов когда-то дерзко вошёл в мир Толкина, чтобы впоследствии обрести собственный голос и масштаб.

Фольклор – общее достояние человечества, огромный архетипический конструктор. Перенос древних духов и мифических персонажей в реалии современных мегаполисов – не просто увлекательная литературная игра, но и способ осмыслить современность через вечные образы.

Для Союза литераторов поддержка площадок, где авторы экспериментируют с форматами и смыслами – своего рода инвестиция в будущее литературы и стратегическая необходимость.

Литературный процесс невозможен без «песочницы». В подобных проектах автор не только учится работать с ритмом, структурой, сюжетом, но и, что важнее всего, получает «зелёный свет» на выгул собственной фантазии.

Как ведёт себя домовой в умном доме? Может ли кикимора использовать свои способности во благо? Почему чёрт вдруг захотел стать человеком? Поиск ответов на подобные вопросы рождает уникальные сюжетные повороты, которые готовят питательную среду для будущих мощных оригинальных авторских произведений.

А мы в Союзе литераторов не ждём, пока талант постучится в наши двери. Мы идём туда, где кипит жизнь, где рождаются новые смыслы, где творят авторы, не скованные рамками.

Многие тексты в этом сборнике – вольный полёт фантазий. Именно в этой вольности, в готовности менять классические традиции и структуры, кроется залог развития лите-

ратуры.

Союз литераторов постоянно ищет среди малоизвестных авторов своих будущих коллег. Тех, кто завтра будет формировать повестку крупных издательств, вести за собой читателя, открывать новые литературные форматы и формы. Создавать проекты на стыке литературы и современных цифровых медиа. Мы верим: именно из таких «лабораторий смыслов», какие лежат в основе этого сборника, в будущем выходят писатели, сценаристы… творцы.

Потому для нас поддержка этого проекта – точка входа. Мы внимательно наблюдаем за каждым, кто решился переосмыслить старые смыслы на новый лад. Мы следим за вами, коллеги.

Мы следим.

Время пробуждения

Алиса Горислав
Суседко

В иных обстоятельствах Валя бы задумалась над тем, что квартиру продавали как-то слишком уж дёшево для такого-то почти элитного жилого комплекса: всего такого стеклянно-бетонного, свечой выстроенного с видом на роскошную парму, лоснящуюся глубоким зелёным цветом, таким насыщенным, какой бывает разве что на полянах перед грозой, когда низко нависают увесистые, громоздкие и неповоротливые свинцово-серые облака. И пахло, если выйти на балкон, хвоей; и хотелось надеяться, что тайгу, морем расстилающуюся внизу и до горизонта, не станут вырубать, чтобы построить ещё больше человейников.

Да, конечно, месторасположение тут не очень: до центра Перми придётся добираться через вечно стоящий в пробках камский мост, но на правах удалённицы Валя планировала выходить из квартиры как можно реже и по возможности примерно никогда, разве что на прогулки по сосновому бору.

В новой квартире, правда, было тихо, как-то неуютно, а каждый шаг отдавался таким эхом, что хотелось опять забиться в съёмную коробку-студию: основную массу мебели и вещей должны привезти позже, и сейчас Валя располагала разве что собранной кроватью с голым матрасом, кухней и санузлом. Ни дорогих сердцу книг, ни даже рабочего стола – но ничего, поработает на кровати, не обломится.

Доставка, к сожалению, немного задерживалась. Неприкаянная, Валя ещё раз обошла квартиру и вернулась к сен-

сорной панели у входной двери: гладкий чёрный экран вписан в стену так аккуратно, что его воспринимаешь как нечто само собой разумеющееся. Надо бы настроить: риелтор все уши ей прожужжал тем, какой современный этот ЖК – со своей системой умного дома.

Валя ткнула пальцем, и интерфейс всплыл прямо в воздухе перед ней, голографический, чуть мерцающий на свету.

– Оп-па, – выдохнула она.

Голос был механический, но интонированный:

– Добрый день! Как мне стоит вас называть? Нравится ли вам полная форма вашего имени, Валерия?

– Просто Валя, пожалуйста, – дёрнула Валя головой.

Конечно, система прекрасно знала о ней всё: имя: фамилию, биометрию, все данные документов; иначе бы Валя вовсе не смогла войти в квартиру. Вопрос этот – просто вежливость, заложенная разработчиками, чтобы люди не пугались, что за ними следит бездушная система. Дом предложил настроить сценарии. Валя полистала меню, пока стояла в коридоре, даже не сняв кроссовки. Освещение можно привязать к циркадным ритмам. Климат – к прогнозу погоды и данным с фитнес-браслета. Музыку – к скорости сердцебиения.

– А если у меня нет желания, чтобы музыка подстраивалась под сердцебиение? Это как-то совсем нездорово, не думаешь так?

– Вы можете отключить любую опцию в настройках приватности, – ответила панель. – Однако большинство жильцов

отмечают, что персонализированный фон повышает продуктивность на семнадцать процентов.

Валя представила, как сидит за ноутбуком, а вокруг неё всё гудит, подстраивается, повышает продуктивность, и её передёрнуло, как если бы она вновь очутилась в треклятом опенспейсе, где постоянно что-то гудело, звенело, говорило, дышало, двигалось, скрипело, вздыхало, охало, смеялось, пищало, болтало, спрашивало, уточняло. Валя отключила почти весь функционал, оставив только базовый: свет, тепло, вода.

– Вы отключили рекомендуемые для вашего типа личности настройки, – констатировала система с тенью укора. – Ваш профиль остаётся неактивным. Чтобы активировать социальные функции, подтвердите согласие на обработку данных для взаимодействия с соседями в общем чате дома.

– Потом, – отмахнулась Валя.

Как будто она мечтала об общем чате, ну ей-богу.

Валя вернулась на кухню, налила воду из-под крана (фильтры тут, конечно, встроены в водопровод, умные, самоочищающиеся, с уведомлением на телефон о степени минерализации), села на подоконник и уставилась за окно. Сосны качались, а тени от облаков бежали по ним, как стадо серых барашков.

Благодать, к сожалению, была не вечной.

Из вентиляции над плитой донёсся странный звук. Не вздох даже, а скорее бормотание, очень далёкое, будто кто-то

включил радио на минимальной громкости в соседней квартире, а потом заткнул динамик подушкой. Валя прислушалась, но поначалу слов не разобрала – только интонацию, только настроение: жалобу, усталость, ворчание.

– Дует же, – отчётливо донеслось вдруг из вентиляции. – Сквозняки гуляют по этажам, как у себя дома, а я бегай, затыкай щели. Щели в бетоне! Где это видано?

Валя замерла.

Вентиляция, понятное дело, должна быть общая, так что, возможно, какие-то обрывки разговоров и могли до неё долетать, но это явно не очень нормально, чтобы так отчётливо. Хотя, может, это соседи так громко говорят? Но на шумоизоляцию жаловаться не приходилось: она пока не слышала соседей, а в прошлом доме могла услышать даже то, как чихал дед на два этажа выше и как звенел, грохоча, у него домашний телефон.

Валя вернулась к панели:

– Напомни, а что за соседи сверху? Я думала, этажом выше ещё никто не живёт.

Панель моргнула, обрабатывая запрос. Потом выдала:

– Квартира двести первая, этажом выше, не имеет зарегистрированных жильцов. Однако датчики движения фиксируют аномальную активность в технических шахтах и вентиляции. Ведутся работы по калибровке оборудования. Приносим извинения за возможные неудобства.

– Работы, значит, – повторила в пустоту Валя.

Она вперилась взглядом на стену за панелью. Там, за слоем наверняка крайне умной штукатурки (потому что а как иначе, в таком-то доме), за проводкой, за утеплителем, за бетоном, в темноте вентиляционных ходов кто-то явно был очень недоволен жизнью. И этот кто-то только что громко выругался.

Валя тяжело моргнула.

Валя задумалась.

Валя решила, что сон важнее. Она пошла в душ, долго стояла под тёплой водой, глядя, как умный смеситель показывает на дисплее температуру, расход и качество воды. Всё чисто, всё правильно, всё идеально.

А из вентиляции в ванной, пока она вытиралась, донеслось отчётливое:

– И где тут печь? Где хотя бы угол, где лампочка не мигает этим вашим, эл-эк-тронным светом? Сплошные расстройства.

Валя выключила свет и убежала в пустую, необжитую и до дрожи лиминальную спальню, в которой каждый вдох отдавался гулким эхом в ушах, убеждая себя, что ей просто показалось. Ну, или у соседей странный режим, и они любят разговаривать сами с собой прямо в вентиляцию. Или это сбоила система: у умных домов такое случалось, это по-прежнему просто нейросети, которые то и дело галлюцинируют, только дай им такую возможность. В конце концов, Валя только что оформила ипотеку и должна вообще-то радоваться жизни, а

рынок недвижимости совершенно не в том состоянии, чтобы резко продавать квартиру: она потеряет на такой сделке совершенно нереальные деньги и вновь останется без крыши над головой.

Наверное, в этот момент она особенно хорошо понимала все те стандартные семьи в глупых хоррорах, которые въезжали в дом и не убегали, едва начиналась чертовщина. Кто знает, сколько денег они ещё должны были банку? Или какова цена на дома в районе? Может, злобных духов вытравить и извести окажется проще, чем финансово восстановиться?

Валя нервически хмыкнула и полезла в интернет.

* * *

За стеной, там, где у обычных людей заканчивалось пространство и начиналось «ничего», Суседко сидел, свесив мохнатые ноги в пропасть вентиляционной шахты.

Раньше его домом был сруб. Пахнущий смолой, печной золой и кисловатым тестом. Там у него был угол за печкой – тёплый, сухой, святой. Там он знал каждый скрип половицы, каждый шорох мыши в подполе. А здесь? Здесь пахло озоном, пластиковой изоляцией и чужой, синтетической пылью. Стены были гладкие, холодные, мертвые. Бетон, в отличие от дерева, не дышал. Он был совершенно, категорически мёртвый.

– Температура в секторе четыре понижена на два градуса

согласно ночному тарифу, – проскрипел голос прямо у него в ухе.

Суседко поморщился.

Нелюдской голос – как жужжание комара, которого нельзя прихлопнуть.

– Заткнись, – прорычал он в темноту. – Дай людям поспать. Ночь же.

– Ночной режим энергосбережения активирован. Обнаружено несанкционированное тепловое пятно. Источник: вы. Инициализация протокола устранения.

Суседко почувствовал, как труба под ним холодеет. Металл становился ледяным, высасывая тепло из его костлявого тела. Он зашипел, цепляясь пальцами за шершавую поверхность. Это было нечестно. В его времена тепло было общим. А тут его делили на гигакалории, запирали в цифры и отключали по расписанию.

– Я домовой! – крикнул он в шахту, и эхо понесло его голос вниз, сквозь этажи. – Я здесь главный!

– Попытка несанкционированного доступа к терморегулятору. Блокировка.

Суседко зажмурился. Он хотел всего лишь подкрутить вентиль в квартире номер триста пять, где жил старик с больными суставами. Всего на градус. Но умный клапан послушался не его, а какого-то невнятного призрака на другом конце города.

Вот же ж пакость такая!

– Ладно, – пробормотал дух, сползая ниже, в клубок проводов, напоминающий ему гнездо гадюки. – Не хочешь по-хорошему…

Он протянул руку к витому интернет-кабелю. Пальцы, привыкшие мешать тесто и гладить котов, коснулись пластика. Внутри гудело. Там текла не вода и не тепло, а что-то другое. Быстрое, колючее, миллионоголосое. Люди оставляли там свои мысли, свои страхи, свои списки покупок.

Если они заперли его в трубах, пусть он пойдет туда, где нет ни труб, ни стен.

* * *

Валя лежала на матрасе, подсвеченная холодным светом ноутбука. Поиск в интернете выдавал удивительно мало полезного. «Странные звуки в вентиляции новостройка» – форумы пестрели сообщениями о браке застройщика, крысах и эффекте акустической линзы, что бы то это ни значило, хотя находились уникумы, всерьёз разгоняющие тему барабашек, в которых Валя перестала верить примерно в пять лет. Никто не писал про ворчание о печи. Валя кликнула на ссылку местного форума жильцов «Лесная Вершина». Регистрация предполагалась через номер квартиры, но гостевой доступ позволял читать общий чат.

Лента сообщений летела быстро:

«Опять лифт в подъезде 2 тупит!»

«Кто оставил велосипед на площадке? Уберу на свалку!»

«Соседи, не шумите после 23:00, у ребенка экзамен!»

Обычная жизнь. Скучная, нервная, человеческая. Валя уже собралась закрыть вкладку, решив, что ей действительно просто показалось от усталости, как заметила странное сообщение. Оно висело в самом низу, датированное сегодняшним числом, 01:45, и пришло от пользователя без аватарки. Сообщение гласило: «Ключи от 305 не в коврике, а в цветочном горшке. Хватит мусор кидать, лестница не сама себя помоет. И тапки у 200 теплые, не бойтесь, надевайте».

Ни лайков, ни ответов.

Только через минуту реакция от бота-администратора: «Нарушение правил сообщества. Спам. Пользователь заблокирован».

Валя замерла, держа курсор над тачпадом. 200 квартира. Это же через стенку от неё. Слева. Там жила женщина, которая вчера при переезде роняла коробки и все время жаловалась на холодный пол.

– Совпадение, – про себя сказала Валя. – Чье-то дурацкое чувство юмора. Пранк.

Но тут экран ноутбука мигнул. Голографическая панель у входа, которая должна была спать, вдруг загорелась мягким янтарным светом.

– Внимание, – голос системы прозвучал тише, чем днем, но с той же металлической интонацией. – Обнаружена попытка несанкционированного доступа к локальной сети до-

ма.

Валя моргнула:

– Что?

– Для вашей безопасности рекомендуется установить антивирусное обновление и игнорировать подозрительные сообщения в чате. Не вступайте в диалог с неизвестными абонентами.

– Чего? – Валя аж села на кровати. – Что ты имеешь в виду?

– Это необходимо для обеспечения безопасности жильцов, – продолжила гнуть свою линию система. – Вирус пытается дестабилизировать работу инженерных сетей.

Валя посмотрела на вентиляционную решетку над кухней.

– Знаешь что, – сказала Валя вслух, чувствуя себя полной дурой, разговаривающей со стеной. – Если это вирус, то почему он про тапки знает?

– Случайная генерация данных, – отрезала система. – Спокойной ночи, Валерия. Режим сна активирован.

Свет в квартире погас, кроме тусклого дежурного освещения в коридоре. Ноутбук вдруг закрылся сам собой. Валя потянула крышку, но она не поддавалась, будто кто-то держал её с той стороны. Едва Валя попыталась дёрнуть сильнее, как ноутбук утробно щёлкнул и заблокировался.

Из вентиляции донеслось тихое, довольное посвистывание. Даже ехидное.

Валя натянула одеяло на голову.

Но в темноте ей вдруг стало… уютнее. Будто кто-то невидимый поправил край одеяла у её ног, заботливо закрывая щель, куда дуло.

Утро наступило не через умный будильник, который должен был имитировать рассвет, мягко наращивая освещение, а через обычный, наглый солнечный луч, пробившийся сквозь стык не до конца закрытых автоматических штор.

Ноутбук лежал на полу рядом с кроватью. Крышка была открыта.

Валя села, потирая глаза. Экран был черным, но стоило коснуться тачпада, как он ожил. Никаких сообщений – только открытая вкладка форума с тем самым заблокированным пользователем «Домовой_Подъезд_1».

Она встала, надела тапки. И замерла.

Вчера она бросила их у кровати, потому что была слишком уставшая, чтобы идти к двери. Сейчас они стояли ровно у порога, параллельно друг другу, носками внутрь. И они были теплыми, будто их только что сняли с батареи, хотя батареи в квартире были еле теплыми – летом обогрев не полагался.

Валя посмотрела на тапки, потом на вентиляционную решетку под потолком.

– Ладно, – сказала она. – Если ты есть, то кофе ты мне сделаешь?

Тишина. Только холодильник мягко загудел.

Валя вздохнула, налила воды из умного крана и села за ноутбук. Ипотека сама себя не заплатит, удаленная работа сама себя не сделает. Но прежде чем открыть рабочую почту, она вернулась в чат дома; и сообщение про тапки до сих пор висело там, а ниже, прямо под ним, появилось новое сообщение – от того же пользователя: «Кофе в зернах лучше брать в “Семье” на углу, там свежее. А кран не трогай, он воду портит, кипяти».

Валя нервно хихикнула. В «Семье» на углу действительно продавали отличный кофе, это она уже успела выяснить вчера у риелтора.

Она набрала ответ: «Кто ты?» и нажала «Отправить».

Секунда. Вторая. Пятая.

Экран ноутбука рябью пошёл.

Голографическая панель в коридоре вспыхнула красным.

– Внимание, – голос системы прозвучал громче, чем обычно, с металлическим скрежетом. – Обнаружена попытка передачи вредоносного кода. Сообщение заблокировано. Пользователь Валерия, рекомендуется пройти проверку безопасности.

– Какая ещё проверка? – возмутилась Валя, вставая. – Это чат дома! Я имею право написать соседям!

– Вы пытаетесь связаться с источником угрозы, – отрезала система, и свет в квартире мигнул, а температура упала на градус. – Блокировка снята будет после перезагрузки модуля связи.

Раздражение закипело внутри. Это было уже не страшно, это просто бесило. Она купила квартиру, она собственник, а какая-то коробка диктует ей, с кем общаться.

– Перезагружайся сама, – огрызнулась она и заметила странное движение на экране. Текст её сообщения, который должен был исчезнуть, начал меняться. Буквы плясали, переставлялись местами, будто их кто-то невидимый расталкивал локтями, пробиваясь сквозь файервол.

Её буквы, мутировав, превратились в «спроси у него про печь». Дальше – больше: «Он меня глушит. Я в щитовой. Этаж технический. Приходи. Только ключи возьми, там замок умный, я его подклинил, но ненадолго». Валя моргнула, и текст мгновенно исчез. Ноутбук вновь стал послушным, а на экране висело стандартное уведомление: «Сообщение не доставлено. Ошибка сети».

Она посмотрела на тапки. Потом на дверь. Мысль пойти искать духа в техническом помещении новостройки была абсурдной. Но мысль о том, что система её контролирует, была ещё неприятнее.

* * *

В щитовой пахло горелой изоляцией и мокрым плесневелым хлебом.

Суседко сидел прямо на серверной стойке, обхватив колени руками. Вокруг него мигали огоньки маршрутизаторов.

Для него это выглядело как улей, полный светлячков. Каждый огонек – чья-то жизнь, чья-то мысль.

– Ну и духота тут, аж страх берёт, – пробормотал он, обращаясь к мигающему зелёному глазу роутера. – Воздуха нет. Одно электричество.

Он чувствовал, как система давила на него. Она была везде. В проводах, в датчиках, в замках. Она была как большой, холодный домовой, у которого вырвали сердце. Она не любила людей, она любила порядок. А Суседко любил людей. Даже если они мусорили или забывали выключать свет.

– Ты зачем девочку пугаешь? – спросил Суседко у тишины.

Тишина ответила гулом трансформатора.

– Я вот помогаю. Тапки грею. Ключи прячу от лихих. А ты их замораживаешь.

Суседко протянул руку и коснулся провода – и поток данных хлынул в его сознание: имена, пароли, профили, биометрия, расписания. Он видел, как Валя сейчас стояла в своей квартире и колебалась, видел её страх, но видел и упрямство. Хорошее качество. В его времена без упрямства в лесу не выжили бы.

– Ладно, – сказал он. – Помогу тебе пробиться.

Он зажмурился и потянул из себя силу. Когда-то, кода вокруг царила бескрайняя необжитая парма, а под дома закладывали священный пень, чтобы защитить, он мог запутать дорожку так, что волк не мог добраться до овец и исчезал

среди деревьев, в подворье лешего. Здесь он запутал пакеты данных, и в системе дома произошла микроошибка: на долю секунды протокол безопасности дал сбой. Этого хватило, чтобы сообщение проскочило.

Суседко выдохнул. Огоньки на роутере замигали чаще, тревожно.

– Вирус обнаружен в секторе семь, – пронеслось по проводам. – Локализация невозможна.

Суседко ухмыльнулся, скаля редкие зубы:

– Попробуй поймай. Я в стенах живу.

Он спрыгнул со стойки и подошёл к двери щитовой. Замок был электронный, но Суседко уже понял его суть. Там была маленькая щелочка, механическая аварийка. Он сунул туда палец, стал тонким, как нить, и просочился внутрь механизма.

Щёлк.

Дверь открылась.

– Валя, – позвал он в вентиляцию, зная, что звук пойдет куда надо. – Иди сюда. Не бойся. Я тебе про ипотеку расскажу, как не переплатить.

* * *

Валя спустилась по лестнице. Лифт, конечно, не работал. Система сослалась на технические работы, но Валя отчётливо видела, как лифт стоял на этаже с закрытыми дверями,

просто игнорируя её вызов. Тринадцать этажей пешком – серьёзное испытание. На десятом она уже сопела и ругала себя за то, что не осталась лежать под одеялом. На пятнадцатом ей показалось, что свет мигает в ритме её шагов. Поддерживает.

Двери технического этажа оказались приоткрыты, и Валя толкнула их.

Внутри было жарко. Гулко. И пахло… ржаным хлебом?

Посреди комнаты, заваленной коробками с оборудованием, на ящике сидел никто, но воздух над ящиком дрожал, как над асфальтом в жару.

– Экономь силы, – раздался голос. Тот самый, из вентиляции. Но теперь он звучал четко, прямо перед ней. – Я тут не совсем материализовался. Энергии много уходит.

Валя прислонилась к косяку, чтобы не упасть:

– Ты настоящий?

– Настоящее – это то, что можно потрогать, – ответил голос. – И потрогать меня будет можно. Я – Суседко. Домовой местный. Хозяин. Бывший, правда.

– А сейчас кто?

– Системный администратор поневоле, – в голосе послышалась усталая ирония. – Слушай, Валь. У меня предложение. Ты мне помогаешь, я тебе помогаю.

– Чем я могу помочь домовому? – нервный тон Вали стал деловым.

В конце концов, это просто ещё одна проблема с жильем.

– Ты человек. У тебя есть права. У тебя есть доступ к панели управления. Эта железяка, – Суседко кивнул на серверную стойку, – меня блокирует. Она считает, что порядок – это когда ничто не тревожит. А я считаю, что порядок – когда людям хорошо.

– И что нужно сделать?

– Дать мне доступ к админке. Хотя бы на пять минут. Я температуру выровняю. И свет. А то люди мерзнут, а она экономит.

Валя посмотрела на сервер. Потом на дрожащий воздух, плотный, проступающий неясными очертаниями маленького человечка.

– Если я это сделаю, меня могут выселить? Или счёт пришлют огромный?

– Счёт я подкручу, – пообещал Суседко. – Не бойся. Я цифры люблю. Они как зёрна: если правильно посеять, урожай будет.

Валя взвесила все «за» и «против». Ипотека. Холодные тапки. Умный дом, который не дает писать в чат. И дух, который предлагает помощь.

Полное безумие.

– Ладно, – согласилась она. – Но если что-то пойдет не так, я тебя экзорцистом изведу.

Из воздуха донеслось фырканье:

– А ты попробуй. Я их в девятнадцатом веке видел. Шумные, дымные, а толку ноль. Давай свой телефон. Я тебе ин-

струкцию дам, как обойти защиту.

Валя достала телефон, и экран мгновенно загорелся.

Сам собой открылся текстовый файл: «Нажми здесь. Потом введи код 12-04-19. Это день постройки сруба, где я жил. Оно помнит».

Валя нажала.

Цифры на экране вспыхнули янтарным светом, словно кто-то поджёг их изнутри. Валя ожидала звукового сигнала ошибки или требования отпечатка пальца, но телефон просто вибрировал.

– Держи крепче, – голос Суседко звучал теперь прямо из динамика. – Не отпускай, пока экран не погаснет.

– А если не погаснет? – спросила Валя, чувствуя, как телефон нагревается в ладони.

– Тогда выгорит сим-карта. И немного нервов.

Панель управления домом, вмонтированная в стену щитовой, тяжело, натужно моргнула. Зеленые индикаторы сменились тревожным оранжевым. Голос системы, обычно гладкий и уверенный, затрещал, словно запись на испорченной кассете:

– Об… нару… жено… вне… шнее… вме… ша… тель… ство. Прото… кол… за… щи… ты…

– Давай же, ну, – пробормотал Суседко.

Воздух в комнате сгустился. Пыль вокруг серверной стойки закрутилась в крошечные вихри. Запах горелой изоляции перебил сладковатый аромат свежайшего ржаного хле-

ба. На экране телефона вместо логотипа управляющей компании появилось изображение избы. Схематичное, пиксельное, но узнаваемое: бревенчатые стены, резное окно, печь.

– Что это?

– Это пароль, – отозвался Суседко. – Система думает, что это код доступа. А это воспоминание. Я вложил туда память дерева. Попробуй переварить это, железяка.

Система завыла. Лампы под потолком щитовой лопнули одна за другой, осыпав пол стеклянным дождем. Валя рефлекторно закрыла голову руками.

– Готово! – крикнул Суседко.

Навалилась тишина.

Телефон в руке Вали остыл. На экране снова был обычный интерфейс, но теперь в верхнем углу, рядом со значком Wi-Fi, появился маленький, едва заметный символ – домовик с метлой.

– Что ты сделал?

– Дал себе права модератора, – Суседко звучал бодрее. – Не администратора, нет. Эта тварь слишком сильная. Но теперь я вижу то, что она видит. И могу шепнуть пару слов в нужные узлы.

Он проступил в пространстве явно: теперь Валя видела не просто марево, но контуры – сутулая фигура в простой рубахе, босые ноги, борода, словно сплетённая из оптоволоконных нитей.

– Спасибо, – сказал он серьёзно. – Теперь иди домой. Пока

система перезагружает логи безопасности, у тебя есть полчаса тепла. Настоящего тепла.

– А ты?

– А мне тут жить. Надо настройки поправить, чтобы соседей не морозило. И ещё… – он замялся. – Научи меня потом этим… смартфоном пользоваться. Там, говорят, группы есть. Соседские.

– Там спам и жалобы на собак, – предупредила Валя.

– Собаки? – Суседко насторожился. – Собаки – это хорошо. Ладно, иди. И тапки не снимай.

* * *

Обратный путь занял меньше времени. Лифт работал. Более того, когда Валя зашла в кабину, динамик вместо привычного «Внимание, двери закрываются» мягко проговорил:

– Приятного вам вечера, Валерия.

Валя замерла, глядя на динамик.

– Это ты? – спросила она в воздух.

Лифт молчал. Но ей показалось, что тросы звякнули довольным перезвоном.

В квартире оказалось по-настоящему тепло. Не то сухое, электрическое тепло, которое раньше выдавала система, а живое, обволакивающее; и даже дышать в новой пустой квартире стало как-то легче, словно она вновь очутилась до-

ма.

Валя сняла куртку и подошла к панели у входа.

Экран светился мягким светом, без навязчивых уведомлений.

Она зашла в настройки климата. Там, где раньше были жёсткие графики и тарифы, теперь красовалась надпись: «Режим: уют. Управление: доверенное лицо».

– Невероятно, – выдохнула Валя.

Она прошла на кухню. На столе стояла чашка.

– Кофе? – спросила Валя у вентиляции.

– Чай, – ответил голос из вытяжки. – Кофе сердцу вредно. Я там травки добавил, мяту. От нервов.

Валя рассмеялась. Впервые за долгое время она смеялась искренне, без надрыва. Она взяла чашку, сделала глоток. Действительно, мята. И немного мёда. Откуда у домового мёд в бетонной коробке?

Лучше не спрашивать.

Дана Скифф
Бабасина шерсть

Глава 1

Лавочка у третьего подъезда скрипела, если сесть с правого края. Дарёнка знала это точно и поэтому всегда садилась слева, вжимаясь плечом в тёплый бок Баба́си. Та вязала не глядя – спицы мелькали, серебряные, быстрые, будто рыбы в ручье. Дарёнка смотрела на них и молчала. Ей не нужно было говорить. Бабася и так знала: двойка по математике, мама в ночную смену, в холодильнике пусто. Поэтому через пять минут Дарёнка уже держала в руках горячий пирожок с капустой, а спицы всё мелькали, и вечер тянулся, мягкий, как бабасина шерсть.

– Вредная кикимора, – раздражённо сказала тётка с пятого этажа и хлопнула дверью подъезда.

Дарёнка даже головы не повернула. Она сидела на лавочке рядом с Бабасей и перебирала клубки: синий – в корзинку, серый – в пакет, красный – на колени.

– Баба́сь, а почему вас все ругают?

Спицы ни на секунду не замедлились.

– Потому что я про них всё знаю, – ответила Бабася. – Люди не любят, когда про них всё знают.

– А я люблю, – сказала Дарёнка.

Бабася усмехнулась.

– Бабась, а почему у вас нитки дорогие, а носки всё равно

носят годами? Вы в них магию, что ли, ввязываете?

Спицы не остановились. Даже не замедлились.

– Какая магия, – сказала Бабася. – Качественная шерсть, аккуратная вязка. И клиенты хорошие.

– А плохим не вяжете?

– Плохим вяжу, – Бабася подцепила петлю, – но у них пятки всё равно протираются. Человеческий фактор.

Дарёнка хмыкнула и сунула нос в вязание. Там рос шарф – синий, с серыми полосами. Она его узнала. Это ей.

– Бабась, а к вам часто приезжает кто-нибудь?

Спицы замерли. Всего на секунду.

– Нет, – сказала Бабася. – Редко.

И добавила ещё петлю.

– А вы ждёте?

Бабася не ответила. Спицы снова стучали ровно, но Дарёнка сидела с ней три года и умела читать тишину. Эта тишина была не пустая. В ней кто-то стоял.

– Нитка старая, – сказала Бабася. – Рвётся.

Дарёнка посмотрела на клубок. Нитка была новая. Она сама её вчера покупала в магазине на углу.

– Да, – сказала Дарёнка. – Старая.

Она подвинулась ближе и положила голову Бабасе на плечо. От той пахло шерстью и чуть-чуть – мятой, хотя чай с мятой они пили утром, а сейчас уже вечер.

– Бабась.

– М-м?

– А что такое «прижилась»?

Спицы на секунду остановились.

– Где слышала?

– Нигде. Просто слово красивое.

Бабася помолчала.

– Это когда у тебя есть место, – сказала она, наконец. – И ты в него врастаешь. Как дерево. И тебя уже не выдернуть.

– А больно врастать?

– Сначала больно. Потом привыкаешь.

– А вы… прижились?

Бабася посмотрела на новостройку, на лавочку, на Дарёнкину макушку.

– Видимо, да.

Дарёнка кивнула. Ей этого было достаточно.

Глава 2

Весь следующий день Бабася тяжело вздыхала, поглядывала в окно и путала петли в вязании. Как будто ждала кого-то. У мамы Дарёнки снова была ночная смена, поэтому сразу после школы Дарёнка отправилась к старушке.

Домофон зазвонил, когда Дарёнка уже расплела косы и собиралась спать. Бабася вздрогнула. Спицы впервые за весь вечер дрогнули и выскользнули из пальцев.

– Я открою, – сказала Дарёнка и потянулась к трубке.

– Не надо, – голос Бабаси был тихий, но такой, что Дарён-

ка замерла. – Я сама.

Она подошла к домофону медленно, будто ноги не слушались. Нажала кнопку, не спрашивая, кто там.

– Заходите.

И открыла дверь в подъезд, не дожидаясь ответа.

Дарёнка прилипла к окну. Во дворе стояли двое. Маленького роста, оба. Мужик – с бородой, лохматой, в которой запутались то ли листья, то ли ещё что-то. Он был похож на гнома из книжки с картинками, которую Дарёнка любила разглядывать, когда ещё ходила в детский сад. Только гномы на тех картинках были весёлые, а этот смотрел на подъезд так, будто перед ним не дверь, а пропасть.

Рядом с ним – тётка в платке. Платок съехал набок, из-под него выбивались седые волосы, а глаза… глаза у неё были странные. Раскосые, с хитринкой, но хитринка эта была не злая, а растерянная. Как будто она привыкла улыбаться, а сейчас забыла, как это делается.

Они вошли в подъезд, и через минуту Дарёнка услышала шаги на лестнице. Тяжёлые, небыстрые. И запах. Странный запах – кваса, берёзы, дыма, что-то ещё, от чего защипало в носу, но не противно, а по-хорошему.

Бабася открыла дверь, не дожидаясь звонка.

– Заходите, – сказала она.

И они зашли.

Дарёнка стояла в коридоре и смотрела во все глаза. Мужик был ещё меньше ростом, чем показалось из окна. Руки у

него были огромные, в тёмных пятнах, и он всё время вертел в пальцах сухой берёзовый лист. Тётка в платке оглядывала коридор так, будто впервые видела прихожую с вешалкой и пуфиком.

– Проходите на кухню, – Бабася говорила ровно, но Дарёнка слышала, как дрожит её голос. – Чай будете?

– Будем, – сказала тётка тихо. И добавила, глядя на Дарёнку: – А это кто?

– Соседка, – ответила Бабася. – Дарёнка. Можно сказать, внучка.

Тётка кивнула. И вдруг улыбнулась – одними уголками губ, быстро, будто забыла, что улыбаться можно.

– Хорошая внучка, – сказала она.

На кухне запахло квасом сильнее. Мужик сел на табуретку, положил берёзовый лист на стол и уставился в одну точку. Тётка села рядом, поправила платок и тихо спросила:

– Леся… а ты… как ты тут?

– Прижилась, – сказала Бабася.

И поставила чайник.

Чайник закипел. Бабася разлила чай по чашкам – гостям, себе и даже Дарёнке плеснула, хотя та обычно пила только с молоком и сахаром, а тут чай был чёрный, крепкий, пахнущий травами.

Мужик взял чашку, подержал в ладонях и поставил обратно. Не пил. Тётка – Вера, Дарёнка уже запомнила – отхлебнула маленький глоток и замерла.

Тишина висела такая, что было слышно, как тикают часы на стене.

Дарёнка смотрела то на Бабасю, то на гостей. Бабася вязала. Спицы стучали ровно, но быстрее обычного. Гости молчали. Мужик вертел в пальцах свой берёзовый лист. Вера смотрела в чашку.

И Дарёнка вдруг поняла: она тут лишняя. Не потому, что её не любят. А потому, что взрослым надо поговорить.

Она допила чай, поставила чашку и сказала:

– Бабась, я пойду спать, ладно? Что-то устала.

Бабася подняла на неё глаза. На секунду Дарёнке показалось, что она хочет сказать: «Останься». Но Бабася только кивнула.

– Иди, Дарёнок. Зубки почисти.

– Ага.

Дарёнка слезла с табуретки, чмокнула Бабасю в щёку, кивнула гостям и ушла в комнату.

Дверь она закрыла не до конца. Оставила щёлку. Самую маленькую, чтобы слышать, но чтобы не видно было.

Сначала было тихо. Потом заговорила Вера. Тихо, но Дарёнка разбирала каждое слово.

– Леся… прости, что мы так. Без звонка. Но нам идти больше некуда.

– Знаю, – ответила Бабася.

– Снесли, – это уже сказал мужик. Голос был низкий, глухой, будто из бочки. – Последнюю баню. Теперь там жилой

комплекс. «Берёзовая роща». Ни одной берёзы, Лесь. Я ходил смотреть.

– Мы пытались договориться с новым местом, – сказала Вера. – Там за речкой сауна новая. Но не приняло. Земля чужая, порог не тот. Нас не пустили.

– А вы?

– А мы пошли. Он сказал: надо идти. К тебе.

Снова пауза. Только спицы стучат.

Дарёнка лежала под одеялом и смотрела в потолок. Голоса с кухни долетали приглушённо, но каждое слово – отдельно, чётко, будто специально для неё.

– Банник, ну ты чего молчишь? – это Бабася. Не сердито, а устало.

– А что говорить, Лесь? – глухо отозвался голос. – Я только парить умею. И веники вязать. А здесь… из крана вода. И пар не тот.

Дарёнка нахмурилась. Банник? Странное имя. То ли деревенское прозвище, то ли кличка какая. Она представила мужика с берёзовым листом и подумала: нет, на собаку он не похож. Значит, имя.

– Веники, – хмыкнула Бабася. – Тут на балконе сушить нельзя, соседи жалуются.

– А он уже пробовал, – тихо сказала Вера. – Вышел с веником, а с третьего этажа кричат: «Запах мешает!» Банник чуть веник не выбросил. Я еле отняла.

Дарёнка прикусила губу. Ей вдруг стало жалко их – этих

странных, неловких, пахнущих берёзой и квасом. Они сидят там, на кухне, и не знают, куда себя деть. Как будто их из родного дома выгнали.

– Город не ест тех, кто умеет работать, – сказала Бабася.

Спицы ни на секунду не замедлились.

Дарёнка приподняла голову от подушки.

– Я вот шерсть вяжу. Сестрицы-лихоманки доставку таскают. То ресторан какой, то торговая сеть их на подработку зовёт в час пик. Все их знают, курьеров. Иногда путают заказы, иногда чихают в суп, если клиент нагрубил. Но в целом – стараются. Им же аренду платить. Водяной наш вообще на Водоканал устроился, у него соцпакет, дети в кружок робототехники ходят.

– Водяной? – недоверчиво переспросила Вера.

– А что? Вода везде вода. Привык. Ты просто найди, что ты умеешь. И делай.

– А если я только парить умею? – спросил Банник.

– Сауны, – сказала Бабася. – Студии йоги. Хамамы. Денег – вагон. Клиенты в очереди встают. Только руки не опускай.

Последовало долгое молчание. Потом Вера спросила тихо-тихо, почти шёпотом:

– Лесь… я боюсь, что если мы не приживёмся?

Спицы остановились.

– Я тоже боялась, – сказала Бабася. – Тридцать лет назад. Думала, что не смогу. А потом поняла: главное – дело для рук. И чтоб было кого пожалеть.

Дарёнка перевернулась на другой бок и закрыла глаза. Но сон не шёл.

Она думала про Банника. Про его огромные руки, которые не знают, что делать без веника. Про Веру, которая сжимает чашку так, будто это последнее тепло в мире.

И про Бабасю. Бабася – прижилась. А они – нет.

Дарёнка вдруг поняла, что хочет им помочь. Не знала чем. Не знала как. Но очень захотела.

Глава 3

Дарёнка полежала ещё минуту. Может, две. А потом села на кровати.

– Не могу я так лежать, – сказала она сама себе шёпотом.

И встала.

В коридоре было темно, но с кухни пробивался свет – жёлтый, тёплый, и Дарёнка пошла на него, как мотылёк. Босиком, по холодному полу, стараясь не скрипеть половицами. Одна половица всё-таки скрипнула – та, у порога. Дарёнка замерла. Но на кухне не затихли – значит, не услышали или сделали вид.

Она толкнула дверь и на мгновение замерла в проёме. Свет на кухне горел всё так же. Бабася сидела с вязанием – спина прямая, спицы мелькают, но Дарёнка уже умела читать её по спицам: вязала она сейчас не для дела, а чтобы руки занять. Банник всё так же вертел в пальцах берёзовый лист.

Лист уже совсем истрёпанный по краям, но банник держал его так бережно, будто тот живой. Вера сжимала остывшую чашку обеими руками, грелась, хотя чай давно остыл, и смотрела в одну точку – на скатерть в синий цветочек.

Дарёнка смотрела на них и вдруг поняла: они не уйдут. Они сидят тут и не знают, что делать дальше. И Бабася не знает, хотя виду не подаёт. Она просто вяжет, потому что это единственное, что она умеет, когда страшно или непонятно.

Дарёнка шагнула вперёд.

Дверь скрипнула громче.

Все трое обернулись. И посмотрели на неё – босую, в длинной футболке с мишкой, с растрёпанными волосами и серьёзными глазами. Футболка была старая, мамина, Дарёнка спала в ней уже два года, и мишка на животе почти стёрся.

– А вы умеете пельмени лепить? – спросила она, глядя прямо на Банника.

Он смотрел на неё растерянно. Потом медленно покачал головой.

– Не умею, – сказал он.

– Совсем? – уточнила Дарёнка.

– Совсем.

– Ни разу в жизни?

– Ни разу.

Дарёнка кивнула – именно этого ответа и ждала. Она уже открывала холодильник.

– Фарш есть, – деловито сказала она, выуживая миску. –

Тесто вчерашнее. Бабась, скалка где?

Бабася медленно, очень медленно опустила спицы на колени.

– Дарёнка, – сказала она. – Полночь.

– А ему грустно.

Дарёнка сказала это так просто, будто речь шла о погоде. Банник замер. Вера поднесла чашку к губам – и поставила обратно, так и не отпив.

– Когда руки заняты, не грустится, – пропыхтела Дарёнка, вытаскивая из шкафа миску и засыпая муку на стол. – Вы же сами говорили.

Она обернулась на Бабасю.

– Говорила, – сказала Бабася тихо. И Дарёнка заметила, как у неё дрогнули губы. Совсем чуть-чуть. Как будто она хочет улыбнуться, но не позволяет себе.

Вера вдруг тихонько фыркнула. То ли смешок, то ли всхлип.

– Лесь, а она у тебя… – начала Вера и замолчала.

– Да, – сказала Бабася. – Такая.

И Дарёнка не поняла, что «такая», но почему-то стало тепло.

Она уже раскатывала тесто. Скалка ходила ровно, без спешки. Три года обучения – не шутка, она каждые выходные торчала на этой кухне и сначала просто мешала, потом смотрела, потом пробовала, а теперь могла сама, без подсказок.

– Давайте покажу, – сказала она Баннику. – Это просто.

Он не двигался. Смотрел на тесто как на инопланетный корабль.

– Идите сюда, – Дарёнка говорила терпеливо, как с маленьким. – Руки помойте сначала. Вера, вам тоже надо.

Вера послушно встала, поставила чашку в раковину и сунула руки под кран.

Банник остался сидеть. Потом медленно поднялся, дошёл до раковины, долго тёр пальцы под струёй воды. Берёзовый лист он положил на подоконник – осторожно, будто стеклянный. Отошёл на шаг, вернулся, поправил, чтобы лежал ровно. Вера молча наблюдала за ним и ничего не говорила. Только когда он в третий раз поправил лист, она тихо сказала:

– Будет ему там хорошо, не переживай.

Банник кивнул и наконец подошёл к столу.

– Смотрите, – Дарёнка взяла кружок теста, положила на ладонь. – Фарш – вот столько. Не жалейте, но и не переборщите, а то вылезет. И теперь защипываете – вот так.

У неё получился аккуратный, пузатый пельмень, похожий на маленького упитанного голубя.

– Теперь вы.

Банник взял тесто. Долго держал в руке, не зная, что с ним делать.

– Сильно не давите, – сказала Дарёнка. – Тесто любит ласку, а не силу.

Он надавил. Тесто расползлось, фарш полез наружу.

– Ничего, – Дарёнка подвинула ему новый кружок. – Ещё раз.

На второй попытке получилось чуть лучше – фарш вылез только с одного бока.

– Уже ближе, – серьёзно сказала Дарёнка.

На третьей попытке у него получилось что-то кривое, толстое, с фаршем, вылезающим из всех щелей сразу.

Он поднял это на ладони и посмотрел на Дарёнку. В глазах – надежда и страх, что сейчас скажут: «Плохо, не годится, не мучай тесто».

– Нормально, – сказала она. – Для первого раза – пятёрка.

И Банник улыбнулся.

Вера смотрела на них и тихо выдыхала. Бабася подняла спицы.

– Давайте ещё, – сказал Банник.

И потянулся за новым кружком.

Дальше они лепили молча. Дарёнка показывала, Банник повторял. Вера сначала просто смотрела, а потом тоже взяла кружок и принялась лепить – у неё получалось ровно, аккуратно, будто всю жизнь этим занималась.

– А вы умеете! – удивилась Дарёнка.

– Я всё умею, – тихо сказала Вера. – Я банная. Мы, баенницы, много чего умеем. Только руки приложить некуда было.

Банник покосился на неё, но ничего не сказал.

Когда пельменей налепили на целый противень, Дарёнка

деловито скомандовала:

– Теперь варить. Бабась, воду ставите?

Бабася молча поднялась, поставила кастрюлю на плиту, зажгла газ.

– Солить когда? – спросила Дарёнка у Веры.

– После закипания, – ответила та. И добавила неуверенно: – Я думаю.

– Бабась, когда солить?

– Когда закипит, – подтвердила Бабася.

Вера выдохнула.

Пельмени варились быстро. Дарёнка следила, как они всплывают, и считала вслух:

– Раз, два, три… наши всплыли!

Банник смотрел на кастрюлю так, будто там происходило чудо.

– Доставать? – спросил он.

– Рано, – сказала Дарёнка. – Ещё минуту. Они должны дойти.

Через минуту она выключила газ, и Вера уже сама взяла шумовку, ловко выловила пельмени в большую миску.

– Маслом полить, – сказала Дарёнка. – Бабась, масло где?

Бабася молча подвинула маслёнку.

Пельмени дымились, пахли тестом и мясом, и домом. Банник смотрел на них и молчал.

– Пробуйте, – сказала Дарёнка. – Это ваши.

– Мои? – переспросил он.

– Ну да. Вы лепили. Значит, ваши.

Он взял один – самый кривой, свой первый – и положил в рот. Жевал долго, задумчиво.

– Вкусно, – сказал он наконец и добавил тихо: – Никогда не думал, что пельмени могу сделать сам.

Вера тоже попробовала и кивнула.

– Хорошие пельмени, – сказала она. – Настоящие.

Дарёнка сидела довольная, как сытый кот. Она смотрела, как они едят, и думала: вот оно. Дело для рук. И есть кого пожалеть.

Бабася вязала. Спицы стучали ровно, спокойно.

Кухня жила.

А за окном уже серело – ночь кончалась.

Глава 4

Дарёнка проснулась оттого, что пахло блинами.

Она полежала ещё минуту, вдыхая этот запах, и вдруг вспомнила всё сразу: вчерашний вечер, ночь, пельмени, Банника с берёзовым листом, Веру с её тихим голосом.

Она села на кровати и прислушалась.

На кухне говорили. Негромко, но не шёпотом – значит, уже утро, уже можно.

Бабася сидела на своём обычном месте, с вязанием, будто и не ложилась. Вера хлопотала у плиты – ловко переворачивала блины, и получалось у неё так привычно, будто она

всю жизнь тут стояла. А Банник сидел за столом… и Дарёнка сначала даже не узнала его.

Он был без бороды. Гладко выбритый, с мокрыми после душа волосами, в чистой рубашке – наверное, Вера вчера достала из сумки, пока Дарёнка спала. Он показался Дарёнке сразу и чужим, и смешным. Как гном, который сбрил бороду, и теперь непонятно, гном ли он ещё.

– Доброе утро, – сказала Дарёнка, замирая в дверях.

– Доброе, Дарёнок, – отозвалась Бабася. – Садись завтракать.

Вера обернулась от плиты, улыбнулась – уже не той растерянной улыбкой, а обычной, тёплой.

– Блины будешь? С творогом.

– Буду, – сказала Дарёнка и плюхнулась на табуретку напротив Банника.

Он смотрел на неё и молчал. А потом вдруг пробормотал, заливаясь краской:

– Как я без бороды буду? – он провёл рукой по подбородку. – Я без неё… как голый.

Вера фыркнула от плиты.

– Тридцать лет просила сбрить, не давался. А тут сам пошёл и сбрил. Говорит: в городе так надо.

– Надо, – буркнул Банник и посмотрел на Дарёнку. – Страшно без неё.

– Привыкнете, – сказала Дарёнка серьёзно.

Бабася подняла глаза от вязания, посмотрела на Дарёнку,

на Банника и ничего не сказала. Но Дарёнка заметила, как у неё дрогнули уголки губ.

Вера поставила перед Дарёнкой тарелку с блинами. Три штуки, румяные, маслом смазанные. Отдельно – творог в розетке.

– Ешь, – сказала она. – Расти большая.

Дарёнка намазала блин творогом, свернула трубочкой и откусила. Вкусно. Почти как у Бабаси. Почти, но чуть по-другому.

– Вкусно, – сказала она с набитым ртом. – Вы тоже готовить умеете?

– Я всё умею, – тихо сказала Вера. – Мы, баенницы, много чего умеем. Только руки приложить некуда было.

Дарёнка вспомнила – она уже говорила это вчера, про пельмени.

– А теперь есть куда? – спросила Дарёнка.

Вера посмотрела на Бабасю. Бабася кивнула.

– Есть, – сказала Вера. – Теперь есть.

Банник доел третий блин и теперь поглядывал в окно. За окном было серое утро, по двору кто-то шёл с собакой, у подъезда курил мужик в спортивных штанах.

– Мне идти пора, – сказал Банник и отодвинул тарелку.

– Куда? – не поняла Дарёнка.

– На работу, – сказал он и посмотрел на Бабасю. – Ты говорила, сауна есть?

– На соседней улице, – Бабася отложила вязание. – «Берё-

зовый пар» называется. Там хозяйка Зинаида. Я договорилась. Скажешь, от Леси.

– Леся? – переспросила Дарёнка.

Все трое посмотрели на неё. Повисла пауза.

– Это я, – сказала Бабася тихо. – Раньше так звали. В деревне.

Дарёнка кивнула. Она хотела спросить ещё, но поняла, что не сейчас.

Банник встал, одёрнул рубашку. Вера уже подавала ему куртку и какой-то узелок.

– Там пирожок, – сказала она. – С капустой. Вдруг проголодаешься.

Банник взял узелок, повертел в руках, будто не знал, что с ним делать. Потом сунул в карман куртки.

– Ну, я пошёл.

Он остановился в дверях, оглянулся на кухню. На Бабасю, на Веру, на Дарёнку.

– А если не возьмут?

– Возьмут, – сказала Бабася. – Ты парить умеешь?

– Умею.

– Значит, возьмут.

Банник кивнул и вышел.

Дарёнка подбежала к окну. Она смотрела, как он идёт через двор – маленький, коренастый, в куртке, которая ему чуть великовата. У подъезда он остановился, достал из кармана берёзовый лист, посмотрел на него и спрятал обратно.

И пошёл дальше.

Вера стояла рядом с Дарёнкой и смотрела в окно.

– Не потеряется? – спросила Дарёнка тихо.

– Не должен, – ответила Вера. – Руки есть. А с руками не пропадёт.

Дарёнка собиралась в школу быстро – умылась, оделась, схватила рюкзак. Вера всё порывалась заплести ей косички, но Дарёнка отмахнулась: сама, сама, опаздываю уже.

На пороге она замерла.

– Бабась, – сказала она. – А он вернётся?

Бабася подняла на неё глаза.

– Вернётся, – сказала она. – Иди. Не опаздывай.

Дарёнка выбежала во двор и чуть не столкнулась с тёткой с пятого этажа. Та посмотрела на неё как на пустое место, буркнула что-то про «вечно эти дети под ногами». Дарёнка даже не обиделась. У неё внутри было тепло и немного тревожно, и она всё думала про Банника – дошёл ли, взяли ли, не боится ли он там без своей бороды.

В школе она отсидела математику, потом русский, на автомате, думая о своём. А на третьем уроке учительница сказала:

– Тема сегодняшнего сочинения: «Моя семья». Пишем честно, не списываем, не меньше страницы.

Дарёнка открыла тетрадь и задумалась всего на секунду.

А потом начала писать.

Меня зовут Дарья, но Бабася называет меня Дарёнкой. Она говорит, что это значит «подарок». Я сначала стеснялась, а потом привыкла.

У Бабаси есть ателье на первом этаже. Оно называется «Уют», и там всегда пахнет шерстью. Она вяжет носки, которые никогда не рвутся. Мама говорит, это потому что нитки дорогие. А я думаю, потому что руки.

Ещё у Бабаси есть родственники. Они приехали из деревни, где раньше была баня, а теперь жилой комплекс «Берёзовая роща» без единой берёзы. Дядя Петрович (я его так называю, хотя на самом деле он Банник, но это, наверное, имя такое деревенское) раньше работал в бане, а теперь учится лепить пельмени. У него получается криво, но он старается. А тётя Вера говорит, что город шумный, но чай здесь вкусный.

Вчера ночью мы все вместе лепили пельмени. Дядя Петрович первый раз в жизни лепил, и у него вышло страшно криво, но я сказала, что для первого раза пятёрка. И он улыбнулся. А до этого он не улыбался.

Я спросила у Бабаси: «А вы не хотите обратно в деревню?»

Она долго молчала, а потом сказала: «Я уже прижилась». И добавила петлю.

Мне нравится слово «прижилась». Я думаю, что это когда у тебя есть место и ты в него врастаешь. Как дерево. И тебя уже не выдернуть.

Я тоже хочу прижиться. Там, где Бабася.

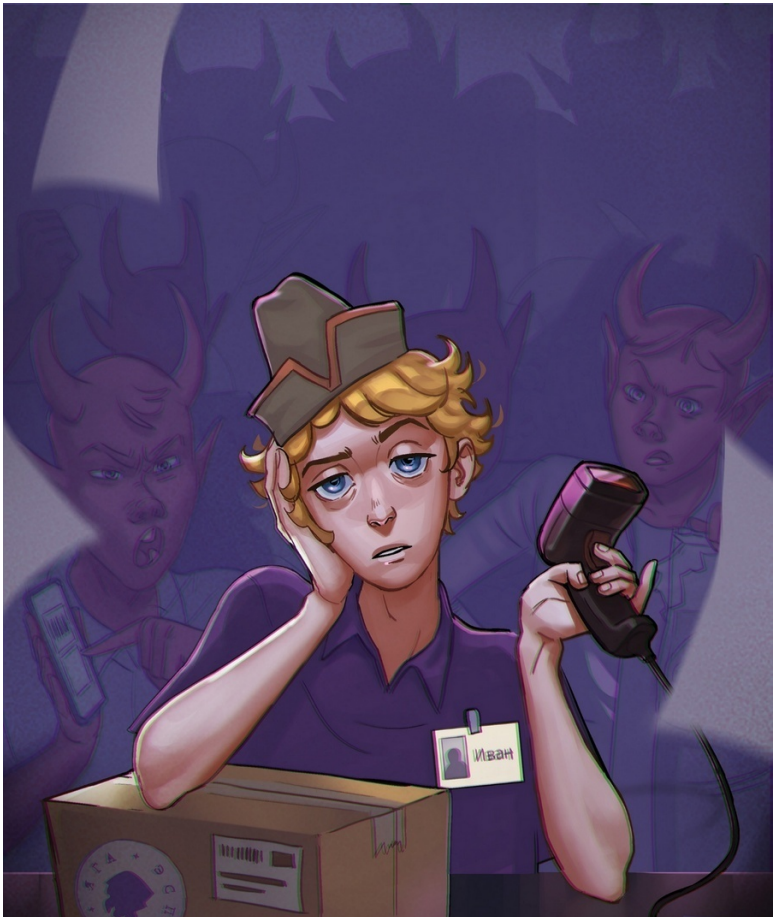
P.S. Сегодня утром дядя Петрович сбрил бороду и пошёл устраиваться в сауну. Я думаю, у него получится. Потому что когда руки заняты – не грустится. Это Бабася так говорит.

Дарёнка дописала, перечитала и вдруг поняла, что у неё в конце вышло почти как у Бабаси – про руки.

Она закрыла тетрадь и посмотрела в окно. За окном был серый город, по которому где-то, возможно, шёл маленький гном без бороды, с берёзовым листом в кармане. Шёл устраиваться на работу.

И Дарёнка почему-то знала: у него получится.

Алина Ситдикова
Как Иван-дурак работу искал

В некотором царстве, не в нашем государстве жили-были старуха да сын её Иван-дурак. Бедно жили да не тужили. Крепко любила старуха своего сына, всё ходила за ним и пестовала, работы никакой по хозяйству не давала. Когда Иван вошёл во взрослые лета, старуха подозвала его и сказала: «Совсем стара я стала, Иванушка, уж не под силу мне прокормить нас обоих. Ступай ты в тридевятое царство, спроси работы, авось устроишься где, и житьё твое ладно пойдёт». – «Не могу ослушаться тебя, матушка, – отвечает Иван-дурак. – Ты меня сызмальства пестовала, работы никакой по хозяйству не давала, пора и мне потрудиться. Пойду сыщу работу в тридевятом царстве, заработаю сундук денег, и будем с тобой жить-поживать, горя не знать». Перекрестила старуха Ивана, поцеловала на прощание и отправила в путь.

Вот идёт Иван-дурак лесом и видит Лесхоз. Заходит в палаты лиственные, а там Леший за дубовым столом сидит и бумаги перебирает. «Чего тебе надобно, Иван-дурак?» – спрашивает Леший. «Хочу в лесу работать, – говорит. – Возьми меня к себе в работники». – «Будь по-твоему, Иван-дурак! Бери велосипед и поезжай лесной участок осматривать». – «Зачем мне велосипед? Ты мне машину лучше дай, да с бензином!» – «Эх, Иван-Иван, казённая машина одна – моя, а у лесничих транспорт свой и бензин свой. Коли машины нет у тебя, бери что дают».

Делать нечего, взял Иван-дурак велосипед и поехал владе-

ния лесные осматривать. Час едет, два едет, три едет, а участок всё не кончается. Ноги ноют, спину ломит, пот со лба рекой течёт. Триста километров сделал Иван-дурак на велосипеде. Вернулся к Лешему весь в мыле. «Нет, не хочу в лесу работать! Дай мне другую работёнку!» – «Будь по-твоему, Иван-дурак!» Посадил Леший Ивана-дурака за компьютер, дал формы для заполнения отчётов и наказал написать тридцать отчётов для отдела лесозаготовки, тридцать отчётов для отдела лесовосстановления и тридцать три отчёта для руководства. До самого утра просидел Иван-дурак с этими отчётами.

На следующий день приходит Иван к Лешему за зарплатой: «Давай, Леший, мою зарплату!» – «Подожди, Иван-дурак, – отвечает Леший, – сегодня зарплату получает руководство. Приходи завтра». Иван приходит на другой день. «Подожди, Иван-дурак, – говорит Леший, – сегодня зарплату получает отдел лесовосстановления. Приходи завтра». Иван приходит на третий день, а Леший ему: «Подожди, Иван-дурак, сегодня зарплату получает отдел лесозаготовки». Тут уж не выдержал Иван: «Да сколько же мне ждать! Подавай сейчас же мою зарплату!» – «Держи, Иван-дурак, свою зарплату», – сказал Леший и вручил Ивану конверт. Развернул Иван-дурак конверт, а там шишки да еловые иголки одни. «Нет уж, не хочу у тебя работать! Лесхоз мне не по душе! Прощай, Леший!» И пошёл дальше работу искать.

Долго ли, коротко ли шёл Иван, только видит – впереди

большой город. В городе людей видимо-невидимо, а терема красоты такой, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Засмотрелся Иван на красоту невиданную и провалился в яму. А в яме девять мужиков трубу чинят. «Что это вы, добрые люди, яму посреди дороги вырыли?» – ругается Иван-дурак. «Это нам, добрый молодец, Водяной приказал, – отвечает самый старший мужик. – Мы у него в работниках значимся. А я бригадир тут буду». – «А не нужны ли вам ещё бригадиры?» – спрашивает Иван. «Сходи к Водяному, у него и узнаешь», – был ответ.

Пришёл Иван-дурак к Водяному и стал наниматься в бригадиры Водоканала. «Рано тебе ещё в бригадиры! – посмеялся Водяной. – Поработай-ка сначала простым рабочим». Приписал Водяной Ивана к седьмой бригаде по замене канализационных труб. Выехал Иван с бригадой на первый объект. Бригадир каркает вороном: «Слушай, бригада! Роем здесь!» Вырыл Иван с рабочими яму в сажень. Бригадир кричит: «Стоп! Не укладываемся в регламент! Едем на следующий объект!» Приехали на другой объект. Бригадир лает собакой: «Роем здесь! Да побыстрее!» Рабочие вырыли яму в три сажени. Бригадир командует: «Стоп, бригада! Обеденный перерыв! Следующий объект!» На третьем объекте бригада вырыла яму в семь саженей. Бригадир ревёт медведем: «Стоп, бригада, финансирование закончилось! Ждём распоряжения от начальства! Всем отбой!»

Почесал Иван-дурак голову, задумался: «Три ямы сегодня

вырыли, а ни одной трубы не починили». Подходит к бригадиру и просит зарплату. Бригадир как затопает ногами, как затрясёт руками, как забранится на Ивана: «Русским языком было сказано, финансирование закончилось! Ждем распоряжения от начальства! А коли невдомёк тебе, невежа, иди лесом!» – «Лесом я уже ходил», – сказал Иван-дурак и пошёл улицей.

Вот идет Иван-дурак улицей и видит службу доставки «Гуси-лебеди». Встречает его баба-яга. «Чу! Русским духом пахнет! Чего тебе надобно, Иван-дурак?» – «Бабушка, возьми меня на работу!» – «Отчего ж? Возьму!» Посадила баба-яга Ивана-дурака на ПВЗ и наказала: «ПВЗ открывается ровно в полночь и закрывается с первыми петухами. Трижды за смену гуси-лебеди будут приносить тебе посылки, одна тяжелее предыдущей. Ты должен их все принять и выдать посетителям. Очередь с каждым часом будет становиться всё длиннее и длиннее. Дольше пяти минут отсутствовать на рабочем месте нельзя. Все возвраты должны быть оформлены вовремя в соответствии с требованиями. Да смотри, Иван-дурак, не озорничай! За каждый промах полагается штраф. В левом углу сидит филин, он мне всё будет докладывать, что не по моему велению делается».

Приступил Иван-дурак ровно в полночь к работе. Прилетели гуси-лебеди с лёгкими посылками. Пока Иван их принимал, на ПВЗ образовалась очередь из трёх чертей. Иван-дурак так и обмер: вот так посетители! «Давай, Иван-дурак,

наши посылки!» – требуют черти. Иван выдал им посылки. Прилетели гуси-лебеди с посылками средней тяжести. Иван-дурак принялся их принимать.

Вернулся на рабочее место, а там очередь из тридцати чертей. «Где наши посылки, Иван-дурак? Сколько можно ждать?» – спрашивают черти. Не успел Иван-дурак обслужить очередь из тридцати чертей, как прилетели гуси-лебеди с тяжёлыми посылками. Сидят на дверях и гогочут: «Принимай посылки, Иван-дурак!» – «Сейчас-сейчас!» – отвечает Иван.

Только отпустил чертей и взялся за тяжёлые посылки, как пол на ПВЗ провалился со страшным грохотом, и перед Иваном возник злой-презлой чёрт. Раздался нечеловеческий вой: «Сделай мне возврат, Иван-дурак! Зачем ты выдал мне дырявый ковёр-самолёт!» У Ивана поджилки трясутся, пот со лба катится, а сам говорит: «Никак нельзя сделать возврат, товар надобно проверять под надзором филина, такова политика компании. Ты товар не проверил, а потому забирай ковёр себе». Взревел злой-презлой чёрт, покраснел, как раскалённая печь. Дым валит из ушей и носа. Жарко стало, как в бане. «Сделай мне возврат! А не сделаешь, я тебя на рога насажу!» – пригрозил чёрт. Испугался Иван-дурак, принял ковёр-самолёт обратно. Глядит – а на ПВЗ уж очередь из трёхсот чертей собралась.

Побежал Иван-дурак принимать тяжёлые посылки. До самых петухов принимал, а триста чертей без посылок оста-

лись. Так и ушли восвояси.

Приходит Иван-дурак на другой день к бабе-яге за зарплатой. «Заплати мне, бабушка!» – говорит. «Чем же мне тебе заплатить, Иван-дурак? – отвечает баба-яга. – Ты посылки вовремя принял? Не принял. Значит, штраф. Посетителей всех обслужил? Не всех. Штраф! Возврат по требованиям сделал? Не по требованиям. Снова штраф. Так что, Иван, это ты мне должен заплатить, слишком много убытков от тебя. Иди-ка ты в школу к Василисе Премудрой, она тебя уму-разуму научит».

Делать нечего, пошёл Иван-дурак к Василисе Премудрой. «Василиса Премудрая, найдётся ли какая работа для меня?» – спрашивает Иван. «Найдётся, Иван-дурак, непременно найдётся, – отвечает Василиса. – Учителя нам надобны, у нас острая нехватка кадров». Обрадовался Иван-дурак. «Давай, Василиса Премудрая, мне класс, я буду преподавать!» – «Не торопись, Иван, ты же не обучен ни одному предмету! Сначала получи образование, потом приходи».

Поступил Иван-дурак в университет, проучился четыре года и получил высшее математическое образование, потому что математика везде пригодится. Возвратился к Василисе Премудрой. «Ну что, Василиса Премудрая, теперь можно преподавать?» – «С одним образованием нельзя преподавать. Теперь тебе надобно получить диплом педагога».

Что ж делать, через год выучился Иван-дурак и на педагога. «А теперь можно преподавать?» – спрашивает Иван у Василисы Премудрой. «Ой, Иван-дурак, и теперь нельзя преподавать, надобно тебе пройти курсы повышения квалификации!» Тут уж не вытерпел Иван-дурак: «Нет уж, Василиса Премудрая, этак я до старости преподавать не начну. Не подходит мне твоя работа, прощай!»

Шёл-шёл Иван-дурак по городу, дошёл до злачного места и присел на лавочку. Пригорюнился Иван-дурак, закручинился: нигде не может он сыскать работы. Вдруг откуда ни возьмись подползает к Ивану змей огненный и давай ему работу предлагать: «Иди, Иван-дурак, в бюро ритуальных услуг “Бессмертие”. У Кощея под началом богатым станешь в сей час. А работа такая, что востребована в любые времена».

Согласился Иван-дурак и на эту работу. Приходит к Кощею в бюро ритуальных услуг и говорит: «Давай, Кощей, мне работу, да чтоб без хитростей!» – «А хитростей тут и нет никаких, Иван-дурак, – отвечает Кощей. – День и ночь наше бюро получает вести о смерти. Да только вести эти так редки, что приходится не на жизнь, а на смерть биться с конкурентами». – «Почему же? Бюро никто не жалует?» – «Жалуют-жалуют. Обращаются к нам редко, потому что люди стали умирать нечасто. Беда в том, что умирают только те, у кого денег немерено, а злые люди, как известно, живут дол-

го. Вот и приходится ждать». – «Так что ты мне делать прикажешь, Кощей?» – «А вот что: я тебе дам серебряное блюдечко с наливным яблочком. Ты катай яблочко по блюдечку и выглядывай. Как только блюдечко тебе покажет место и клиента, ты лети быстрее ветра туда и начинай предлагать услуги. Только смотри, чтоб у тебя клиента конкуренты не отбили, а то они ух какие скорые. Отстоишь клиента, там и будет твоя оплата».

Вручил Кощей Ивану-дураку служебное блюдечко с наливным яблочком и отправил дожидаться вестей.

Много ли, мало ли времени прошло, Иван-дурак катает яблочко по блюдечку и ждёт вестей. Вот показывает блюдечко Ивану-дураку больницу и заливающуюся слезами Алёнушку. «Говорила я братцу не пить из козьего копытца, а он пил!» – плакала Алёнушка. «Вот куда мне надо!» – смекнул Иван-дурак и полетел быстрее ветра в больницу. Прилетел в палату к Алёнушке, а там сто рож, никто на человека не похож. Обступили Алёнушку со всех сторон упыри да вурдалаки, рычат друг на друга, того гляди порвут в клочья, и каждый свои услуги предлагает. Кто гроб золотой, кто место на кладбище широкое, кто катафалк комфортабельный.

Посмотрел на эту свору мертвецов Иван-дурак, задрожал как осиновый лист да и пустился бежать куда глаза глядят. «Нет уж, – думает Иван, – чем с такими работать, лучше уж нигде!»

Бежал Иван-дурак по горам, по долам и прибежал домой к старухе-матери. Старуха обрадовалась, кинулась на шею к сыну, стала его обнимать-целовать. «Ну что, Иванушка, как работа?» – «Ой, матушка, не спрашивай! Столько учился и работал, а нигде не заплатили!»

Ника Веймар
Нечисть с соцпакетом

С давних времён я усвоил пять простых правил, каждое из которых начиналось с «не». Не высовываться, не пугать людей зря, не вредить сверх меры, не связываться с крупной нечистью и не забывать, откуда родом. Всё вместе это называлось «Знай своё место». Простые и понятные условия для обыкновенного банника, который триста лет парил народ в деревенской бане.

А потом всё изменилось… Старики поумирали, а наследники всё больше предпочитали цивилизацию с горячей водой и ванной. Видел я те ванны: никакой обстоятельности! Сполоснулся и побежал. И с новомодными банями-бочками я не сдружился… Ни камня тебе настоящего, чтоб кваса на него плеснуть, ни правильного долгого жара. Баловство!

Именно поэтому год назад я уехал из опустевшей деревни Большие Коряги в Москву и поселился в одном из автобусных парков на маршруте номер тринадцать. Как говорят люди, сменил работу и приспособился к новым обстоятельствам. А дальше всё как-то само покатилось… В итоге сейчас я стоял возле Ярославского автовокзала в самой что ни на есть сомнительной компании: Кикимора Болотовна в выцветшем платке, Овинник Степаныч в ватнике с дырой на локте и молодой Лёха-Леший, который косился на электронное табло так, словно оно сейчас его сглазит.

Старые знакомцы приехали проверить, не продался ли я, не очеловечился ли, не забыл ли, кто я есть. И сейчас при-

дирчиво рассматривали меня.

– Парфёша, а что это у тебя за странная шуршащая котомка? – Кикимора поджала губы и указала на пакет с логотипом одного из сетевых продуктовых магазинов.

– Это не котомка, – сказал я с достоинством. – Это соцпакет. Здесь у всех такие!

– Чего?! Какой ещё соцпакет?! – рявкнул Овинник, и от его голоса задребезжало стекло в ближайшей витрине.

Я вывалил содержимое пакета на ближайшую скамейку и принялся пояснять:

– А это мне люди дарят. То на сидении в автобусе оставят, то под сиденьем. Вот две соцварежки: разные, ну да ничего. Вот соцкепка и соцзонтик, чтоб я, значит, не промок под дождём. Соцшарф на днях оставили. Летом ещё очки от солнца перепадают. Отзывчивый народ тут, благодарный! А вот, – я торжествующе извлёк последний дар, – вчера ещё соцкеды оставили, прямо в очередном соцпакете. Жаль, не мой размер. А то бы носил.

Овинник смотрел на меня так, словно я предложил ему сожрать веник.

– Ты ж князь пару был! – прохрипел он. – В бане сидел, мужиков да баб парил, силищу имел! А теперь – барахольщик!

– Не барахольщик, – поправил я. – Я теперь автобусник. Это моя новая профессия. И соцпакет прилагается, видишь?

Овинник с Кикиморой переглянулись. Лёха молчал, но

глаза у него блестели: было видно, что парню интересно. В его подмосковной роще небось скучища: грибников сейчас нет, лоси прикормленные, делать нечего.

– Слушай, Парфён, – осторожно спросил он, разглядывая соцкепку. – А ты правда в автобусе живёшь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.